

УДК 947«1925»(092)Раевский

Сын декабриста: судьба Ю. В. Раевского*

Н. П. Матханова

Институт истории Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

В статье вводятся в научный оборот новые источники – послужные списки Ю. В. Раевского, сына декабриста В. Ф. Раевского, и его записки о служебных поездках по Амуру в первые годы его освоения. Реконструируется биография Ю. В. Раевского, характеризуются его отношения с отцом.

Ключевые слова: исторические источники, декабрист В. Ф. Раевский, освоение Амура.

Дипломная работа С. Ф. Ковалья и его первый печатный труд были посвящены декабристу В. Ф. Раевскому [4]. В книге приведены записанные автором еще в студенческие годы воспоминания старожилов – то, что теперь называется модным словом *oral history*, но что сибирские этнографы и историки делали давным-давно. Интерес к этому выдающемуся человеку, сыгравшему заметную роль и в истории освободительного движения России, и в истории общественной жизни и просвещения Сибири, не отпускал Семена Федоровича всю жизнь: появлялись отдельные статьи, публиковались отдельные тексты. И, наконец, в основанной Ковалем (совместно с акад. М. В. Нечкиной и С. В. Житомирской) серии «Полярная звезда» вышли подготовленные А. А. Брегман и Е. П. Федосеевой два тома, посвященных жизни и деятельности В. Ф. Раевского [8; 9]. С. Ф. Коваль являлся ответственным редактором, но фактическая его роль при подготовке этих (как и других) томов не сводилась к работе с готовыми текстами, он участвовал в подготовке их к печати и в комментировании. Впрочем, такова была обычная практика в серии.

В своей книге о В. Ф. Раевском Коваль привел сведения о детях декабриста и обозначил одну из важнейших проблем, волновавших «государственных преступников»: судьба детей. Прочитывая письмо Раевского П. Д. Киселеву, автор указывал: «Раевский ходатайствовал не за себя, а за детей своих, которые могли бы остаться после его смерти в том же разряде ссыльных, в котором их ожидала самая “жестокая будущность”», или же оказаться государственными крестьянами [4, с. 110]. На одной из последних страниц книги, приведя сведения о Михаиле и Валерии Раевских, Коваль писал: «О судьбе остальных сыновей и дочерей В. Ф. Раевского нам выяснить ничего не удалось» [4, с. 120]. После ее издания таких сведений появилось немало. Из писем В. Ф. Раевского – а он не раз писал о детях сестрам и друзьям прежних лет – ясно видна его забота о них [9, с. 365, 368, 376, 414, 416, 426, 428, 430, 432, 441, 442, 446, 448, 465 и др.]. Об этом упоминается во

* Статья посвящена 90-летию со дня рождения Семена Федоровича Ковалья.

вступительной статье ко второму тому [1, с. 23, 25], а в комментариях приведены краткие биографические справки. Так, о Юлии – старшем (не считая умершего младенцем Константина) сыне, написано: «Юлий (1836–?), с 1854 г. вольноопределяющийся Забайкальского казачьего войска, участник Амурской экспедиции; с 1855 г. – офицер Иркутского казачьего конного полка, заведующий Кутуликским (в тексте ошибочно Кутулакским. – *Н. М.*) участком переселенных казаков; с 1858 г. – адъютант военного губернатора Забайкальской области М. С. Корсакова; с 1860 г. – адъютант П. П. Липранди в Варшаве. В 1864 г. произведен в ротмистры и, уйдя в отставку, вернулся к родителям в Олонки» [2, с. 494].

Недавно удалось обнаружить послужные списки Ю. В. Раевского [13; 14], два его путевых очерка [10; 11] и два письма А. Ф. Вельтману [12]. Эти источники позволяют не только восстановить биографию старшего сына декабриста, но и лучше понять самого В. Ф. Раевского, его переживания и характер.

Послужные списки капитана Ю. В. Раевского находятся в составе дел «Об умерших штаб- и обер-офицерах» 1870 г. [13] и «По представлениям начальств и просьбам разных лиц о назначении пенсии по уставу» того же года [14]. Второй послужной список полнее, он составлен несколькими месяцами позже. Обстоятельства появления первого дела очевидны, второе возникло по прошению вдовы Ю. В. Раевского о назначении ей пенсии.

Послужные списки позволяют уточнить год рождения Юлия Раевского – не 1836, а 1835, и впервые установить год его смерти – 1870. Очень важна запись о происхождении: «Из какого звания происходит и какой губернии уроженец» – «Из крестьян Иркутской губернии, а в 1856 г. Всемилостивейше даровано потомственное дворянство» [14, л. 222]. Таким образом, могли оправдаться худшие опасения его отца – если бы не амнистия, дети попали бы в податное сословие. Далее указано, что Юлий Раевский учился в Иркутской гимназии. Правда, в списке выпускников гимназии [3, с. 170] его имени обнаружить не удалось – может быть, список оказался неполным или же Ю. Раевский не закончил учебного заведения.

Не менее, если не более существенными представляются сведения о прохождении военной службы. В письме к начальнику казачьего отделения Главного управления Восточной Сибири М. С. Корсакову В. Ф. Раевский писал в середине августа 1852 г.: «Сына моего Юлия отправляю с прошением к генерал-губернатору и командующему войсками о вступлении на службу вольноопределяющимся в один или тот из пограничных забайкальских казачьих полков» [9, с. 414]. В новом письме, через три недели, 10 сентября того же года сказано: «Сына моего Юлия в полной казачьей обмундировке отправляю к Вам... Мне бы хотелось оставить его на службе в Чите с тем, чтобы он занимался при фронтовой службе письменностью в войсковой канцелярии» [9, с. 415]. Официально Ю. Раевский числился в Забайкальском казачьем войске с 2 сентября 1852 г., но не вольноопределяющимся, а рядовым казаком 3-го конного полка [14, л. 222 об.]. Менее чем через три месяца (29 ноября) он стал младшим урядником, а 22 декабря 1854 г. «за отличие» был произведен в хорунжие [14, л. 222 об.]. «Отличие» было подлинным – Раевский «по распоряжению начальства находился с генерал-губернатором

Восточной Сибири при проезде в Камчатку с 17 марта по 21 сентября 1854 года» [14, л. 225 об.-226].

Из истории освоения Дальнего Востока и биографии Н. Н. Муравьева-Амурского хорошо известно, что это был за «проезд» – речь идет об участии в знаменитом первом «амурском сплаве». Как и другие участники этого грандиозного предприятия [6], Юлий Раевский вел путевой дневник, который был обработан для печати, но не опубликован [11]. В регулярных записях с 15 мая по 16 июня автор фиксировал впечатления от природы, местного населения, рассказывал о трудностях плаваниях, событиях и происшествиях. Заканчивается дневник кратким сообщением о прибытии в Николаевск-на-Амуре.

Для биографии сына декабриста в этом тексте наиболее интересными представляются следующие моменты. Во-первых, в рукописи имеется немало ошибок, исправленных чьим-то карандашом (например, мартира, русский, щитают, сдворяются и др.). Во-вторых, к записи от 18 мая 1854 г. о том, что «ровно в два часа пополудни мы вошли в Амур», есть важное дополнение: «Амур! От младенчества привык я слышать от отца моего, от знакомых, от казаков – рассказы об Амуре, о правах наших на владения по этой реке, о сожалении, что она в руках безжизненного Китая, и потому с каким-то тревожным, радостным чувством я бросил смелый и веселый взгляд вперед и обозрел кругом» [11, л. 6 об.-7]. Это еще раз подтверждает, что в окружении В. Ф. Раевского, как и других декабристов, велись разговоры о присоединении Амура, и он тоже, как и его товарищи, одобрял курс Н. Н. Муравьева. В-третьих, как и другие участники сплава, Юлий Раевский упоминает об остановке у Албазина, но, в отличие от некоторых мемуаристов, он не пишет о молебне на месте Албазина и устроенной там Муравьевым церемонии, долженствующей подчеркнуть преемственность и последовательность движения на восток. Раевский записывает в дневнике свои размышления: «Берег был крутой и высокий, местоположение было вообще прекрасное, признаки существования Албазина говорят сильно и красноречиво. ... Казаки и промышленники выбрали чрезвычайно удобное место для жизни и обороны и если бы они устояли, давно бы этот край был заселен и процветал лучше северных населений Сибири» [11, л. 10–10 об.]. Эти мысли разделялись большинством (если не всеми) сподвижников Муравьева, но, очевидно, не был им чужд и отец молодого урядника, декабрист Раевский.

Именно за участие в первом «амурском сплаве» Юлий Раевский был произведен в хорунжие [14, л. 222 об.]. И уже в этом, офицерском чине, успешно выполнил следующее задание. Как гласит послужной список, «в 1855 году во время нахождения при начальнике казачьего отделения Главного управления Восточной Сибири исполнял разные обязанности и особые командировки по снаряжению Амурской экспедиции, в сентябре м[еся]це того же года был послан с устья Амура генерал-губернатором Восточной Сибири с важными бумагами курьером чрез Удский острог и Якутск в г. Иркутск, куда прибыл в декабре м[еся]це того же года» [14, л. 226]. Эта курьерская поездка описана во втором путевом очерке Ю. В. Раевского [10], но в нем указано иное время ее осуществления – не 1855, а 1856 г.

Второй очерк был опубликован в «Морском сборнике», в подборке с общим названием «Пути к устью реки Амур». В ее состав вошли три сочине-

ния: «Путь вверх по реке Амур» А. А. Пешурова, «Береговой путь от устья Амура к порту Аян» Ю. В. Раевского и «Описание пути из Николаевского поста через Удский край в Якутск» Шенурина [7]. Подборке предпослано предисловие от редакции, подписанное литератами М. Р., в котором об очерке Раевского сказано, что он сообщен «нам чрез г. Щукина, принадлежит казачьему хорунжему Раевскому, посланному в 1855 г. из Николаевского укрепления, с устья Амура, в Иркутск, с казенными бумагами. Ему поручена была разведка этого нового пути... Дневник г. Раевского знакомит нас с топографией проеханного им пространства» [5, с. 254]. Таким образом, ясно, что при публикации очерка Раевского была допущена ошибка, и ехал он через Якутию не в 1856, а, как и указано в послужном списке, в 1855 г.

Как видно из очерка, поездка была очень трудной и даже опасной. Ее описание показывает, что к этому времени существовал определенный сложившийся маршрут, но на практике приходилось отступать от него, точную дорогу могли не знать и местные жители. Так, 7 ноября в дневнике Раевского записано: «С восходом солнца тунгус осмотрел местность и к ужасу нашему признался, что не знает настоящего пути» [10, с. 298]. Много раз автор с благодарностью упоминает о помощи тунгусов, об их гостеприимстве, доброте и отзывчивости. Большую и самую трудную часть пути (от устья реки Уд до станции Маиль, с 25 сентября до 13 ноября) путешественники совершили втроем: молодой хорунжий (Юлию Раевскому не было и 20 лет), казак Березин и «тунгус Михайло», сменивший прежнего проводника тунгуса Николая. Приходилось искать и находить выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций. Однажды, еще до выхода к устью реки Уд, не найдя брода через очередную реку, начальник решил «переправиться на плоту, почему и приказал рубить лес. Тунгусы, непривычные к такой работе, неохотно взялись за нее, но делать было нечего; казак и я также работали» [10, с. 293]. В другой раз, когда проводник признался, что не знает дороги дальше, «по общему мнению» средством для спасения избрали «найти скорее лес», пришлось спуститься с горы, «катясь по склону, почти отвесному» [10, с. 298]. В один из последних дней пути, когда проводник заблудился, Раевский «решил идти... вниз по ручью», затем по течению реки «наудачу», но, когда река повернула, оставили ее течение и пошли «прямо лесом и хребтами, по прежнему направлению» [10, с. 298–299]. В конце концов, после 47-дневного путешествия, удалось добраться до почтовой станции, а затем и до Якутска.

В марте 1856 г., опять-таки «за отличие», Юлий Раевский произведен в сотники и назначен исправляющим должность (утвержден через год) адъютанта наказного атамана Забайкальского казачьего войска М. С. Корсакова. В этом качестве, как и другие офицеры, выполнял трудные и важные поручения: в 1857 г. сопровождал до Усть-Стрелочного караула казаков 1-й пешей бригады, затем участвовал «в заготовлении продовольствия для пересыльных в 1857 г. 3-х сотен Амурского конного казачьего полка» [14, л. 226]. Последнее задание было особенно важным и ответственным после трагедии 1856 г., когда от голода погибли солдаты, возвращавшиеся с устья Амура.

Карьера складывалась вполне успешно: в январе 1857 г. получено «Высочайшее благоволение», в марте – орден Св. Станислава 3-й степени [14, л. 222 об.]. Однако, по желанию отца – очевидно, разделявшемся и самим

Юлием, – молодой офицер отправляется в Европейскую Россию. В. Ф. Раевский 19 июля 1858 г. в письме на имя В. А. Долгорукова объяснял, что хочет, чтобы сын «поступил на службу в один из полков, расположенных на моей родине в Курской или Харьковской губернии, где у меня есть родные сестры» [9, с. 426]. Старый декабрист надеялся на помощь друга молодости П. П. Липранди, и надежды оправдались. Ю. В. Раевский в декабре того же года писал давнему другу отца А. Ф. Вельтману: «...из Москвы папенька писал мне, что его В[ысокопревосходительст]во Павел Петрович Липранди повторил ему обещание на счет меня» [12, л. 1]. Находясь в длительном отпуске и живя у тетки В. Ф. Поповой, Юлий Раевский подал прошение о переводе его в Каргопольский драгунский полк [12, л. 3], в котором и числился с 7 марта 1859 г. [14, л. 223 об.].

Поездка «в Россию» стала еще одним большим приключением в жизни. Сначала долгий, но вполне комфортабельный по сравнению с прежними, путь через всю Сибирь от Иркутска до Нижнего Новгорода, встреча там с губернатором, декабристом и давним товарищем В. Ф. Раевского, А. Н. Муравьевым и его семьей, встретившими его как родного [9, с. 368–369]. А затем Москва, визиты старых друзей отца, ныне ставших важными и влиятельными лицами – генерала П. П. Липранди, сенатора Х. Х. Ховена, директора Оружейной палаты, известного писателя А. Ф. Вельтмана [9, с. 374]. И, наконец, Петербург, куда В. Ф. Раевский, остановившийся на первых порах в Павловске, ежедневно посылал сына [9, с. 374–376]. Резкий контраст даже с Читой и Иркутском, не говоря об Амуре и Якутии. К тому же – никакой службы; в тетушкином же имении, куда Юлий перебрался после отъезда отца в Сибирь, не было и строгой отцовской опеки. Будучи адъютантом Корсакова, Ю. Раевский не мог не бывать в «атаманском» доме, но скромные вечера в нем не могли идти ни в какое сравнение со светской жизнью Москвы и Петербурга и даже провинциальных Нижнего Новгорода и Курска. Немудрено, что отцу пришлось вскоре оправдывать его и написать сестре Вере Федоровне: «Юлий, может быть, нескромен, увлекается иногда, беззаботен, рассеян, но все свои недостатки он выкупает добрым сердцем, честными наклонностями благородства мыслей и дела» [9, с. 427].

В апреле 1859 г. поручик Ю. Раевский прибыл к новому месту службы, в январе 1860 г. был назначен адъютантом П. П. Липранди, командовавшего VI пехотным корпусом в Царстве Польском [14, л. 222 об. – 223 об.]. Здесь дела пошли было удачно – в июле произведен в штаб-ротмистры со старшинством с мая 1860 г. [14, л. 223 об.], но с уходом генерала (в 1860 г., вследствие несогласия во взглядах с наместником, П. П. Липранди был назначен членом Военного совета) и его адъютант оказался в неопределенном положении. С 1 сентября 1860 по 15 февраля 1861 г. Ю. Раевский находился в отпуске [14, л. 223]. В это время он приезжал из Варшавы в Олонки и жил у отца [9, с. 441–442]. В октябре 1861 г. он был прикомандирован к лейб-гусарскому Павлоградскому полку, а затем переведен в гусарский Белорусский полк, где оставался недолго – до 15 октября 1862 г. [14, л. 223 об.]

Очевидно, жизнь и служба в Европейской России не складывались. В октябре 1862 г. Ю. Раевский снова испросил отпуск, приехал в Сибирь и жил здесь сначала без дела, а в апреле 1864 г. поступил в Иркутский конный каза-

чий полк [14, л. 223, 223 об.]. В 1863 г. случилось происшествие, рассорившее его с отцом: Юлий получил отцовские деньги и проиграл их в карты [9, с. 465]. Причем деньги были очень большие – 1200 руб., сам же Ю. Раевский уже к концу своей службы, в чине капитана, получал 549 руб. жалованья [14, л. 229]. Вероятно, именно после этого он вернулся на службу, но вновь пробыл на ней недолго – с апреля 1864 до февраля 1866 г. [14, л. 223 об.] В 1865 г., как следует из свидетельства о болезни 1870 г., он заболел тяжелым воспалением легких [14, л. 221 об.], но в июне 1868 г. был вынужден вернуться на службу, поступив во 2-й Сибирский линейный батальон, дислоцировавшийся в Благовещенске [14, л. 223 об.]. Вероятно, там же Ю. В. Раевский женился «на дочери артиллерийского полковника Вакуловского-Дощинского девице Анне Аркадьевне», там же, очевидно, родился и умер их сын Владимир [14, л. 225 об.]. В Благовещенске Юлий Владимирович постоянно болел, врач констатировал постоянный кашель, кровохарканье и боли в груди. В медицинском свидетельстве сохранилось описание больного: «...роста среднего, телосложения слабого. Костная система правильно развита; мышечная система вяла. Подкожный жирный слой слабо развит; шейные и грудные мышцы атрофированы; ключицы выдаются... Толчки сердца усилены. Голос несколько хриплый... Больной жалуется на сильную слабость, отсутствие аппетита, кашель, боль в левой половине груди, одышку и боль в гортани» [14, л. 221]. В ноябре 1869 г. стало так плохо, что четыре месяца он провел в постели, а в марте 1870 г. подал прошение об увольнении в отставку по состоянию здоровья [14, л. 228].

Капитан Юлий Владимирович Раевский умер «от чахотки» 22 мая 1870 г. (на два года раньше отца) и похоронен 24 мая в Благовещенске [13, л. 103–104 об.]. Вдова его перебралась в Петербург, к отцу, генерал-майору в отставке [13, л. 110 об.].

К сожалению, не удалось обнаружить каких-либо сведений об отношениях отца и сына в последние годы их жизни. Косвенной их характеристикой может считаться то обстоятельство, что Юлий Владимирович заканчивал службу не в Иркутске, вблизи отца, а в далеком Благовещенске. Впрочем, у этого выбора могли быть разные причины – и отсутствие в Иркутске вакансий, и надежда на «амурские льготы», и возможное приглашение давних знакомых и сослуживцев – командира батальона, полковника В. Е. Языкова и сменившего его майора Н. И. Пряжевского. А может быть, Ю. В. Раевский решил вернуться на Амур – туда, где некогда так трудно и так доблестно начиналась его военная служба.

1. *Брегман А. А., Федосеева Е. П.* Владимир Федосеевич Раевский в Сибири // Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Материалы судебного процесса и документы о жизни и деятельности в Сибири / изд. подгот. А. А. Брегман, Е. П. Федосеевой, отв. ред. С. Ф. Коваль. – Иркутск, 1983. С. 5–58. – (Полярная звезда).

2. [*Брегман А. А., Федосеева Е. П.*] Комментарий // Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Материалы судебного процесса и документы о жизни и деятельности в Сибири / изд. подгот. А. А. Брегман, Е. П. Федосеевой; отв. ред. С. Ф. Коваль. – Иркутск, 1983. – С. 468–517. – (Полярная звезда).

3. Иркутская летопись. 1857–1880 г. (Продолжение «Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова») / сост. Н. С. Романов ; под ред. И. И. Серебренникова. – Иркутск, 1914. – 410 + XV с. – (Тр. Вост.-Сиб. Отдела ИРГО ; № 8).
4. Коваль С. Ф. Декабрист В. Ф. Раевский / С. Ф. Коваль. – Иркутск, 1951. – 132 с.
5. М. Р. Пути к устью реки Амур // Морской сборник. – 1857. – № 4, часть неофиц. – С. 252–254.
6. Матханова Н. П. Присоединение Амурского края в записках современников // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2008. – № 2. – С. 7–10.
7. [Пещуров А. А., Раевский Ю. В., Шенурин]. Пути к устью реки Амур. А. Пещуров, Юлий Раевский и подпоручик Шенурин // Морской сборник. – 1857. – Т. 28, № 4, часть неофиц. – С. 252–314.
8. Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Документы о революционной деятельности и судебном процессе / изд. подгот. А. А. Брегман, Е. П. Федосеевой ; отв. ред. С. Ф. Коваль. – Иркутск, 1980. – 415 с. – (Полярная звезда).
9. Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Материалы судебного процесса и документы о жизни и деятельности в Сибири / изд. подг. А. А. Брегман, Е. П. Федосеевой ; отв. ред. С. Ф. Коваль. – Иркутск, 1983. – 544 с. – (Полярная звезда).
10. [Раевский Ю. В.] Береговой путь от устья Амура к порту Аяну // Морской сборник. – 1857. – Т. 28, № 4, часть неофиц. – С. 290–300.
11. [Раевский Ю. В.] Вседневные Записки. О первом плавании по реке Амуру в Восточный океан 1854 г. Юлия Раевского урядника № 3-го конного полка Забайкальского казачьего войска // ГАИО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 24.
12. Раевский Ю. В. Письма А. Ф. Вельтману // ОР РГБ. Ф. 47/II, Вельтман А. Ф. Карт. 5. Д. 23.
13. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 1673. Л. 94–110 об.
14. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 6239. Л. 215–228.

The Decembrist's Son: the Destiny of Yu. V. Rayevsky

N. P. Mathanova

Institute for Historical Studies of SB RAS, Novosibirsk

The article deals with new historical sources – service records by Yu. V. Rayevsky, the son of the Decembrist V. F. Rayevsky, as well as his memoirs on service-related journeys through Amur at the beginning of its reclaiming. The author reconstructs the biography of Yu. V. Rayevsky, and describes his relationship with father.

Key words: historical sources, Decembrist V. F. Rayevsky, reclaiming of Amur.

Матханова Наталья Петровна – доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, 630087, Россия, г. Новосибирск, пр. Маркса, 22–37, тел. 89059300981, e-mail: istochnik_history@mail.ru

Mathanova Natalia Petrovna – Doctor of Historical Sciences, Institute for Historical Studies of SB RAS, 630087, Russia, Novosibirsk, Karl Marx Ave., 22–37, phone 89059300981, e-mail: istochnik_history@mail.ru